

Е. С. Шерстенникова

**ЕВРЕЙСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И
УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ — ПОСЕТИТЕЛИ
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО ДАННЫМ ЭКСКУРСИОННОГО ЖУРНАЛА МАЭ 1899–1921 гг.)**

АННОТАЦИЯ. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится ценный источник по истории просветительной работы МАЭ — Экскурсионный журнал Музея антропологии и этнографии 1899–1921 гг. Изучение и анализ записей журнала позволяет выявить перечень учреждений, посещавших экспозиции МАЭ в этот период. В начале XX в. посещение музеев становится важной частью программы в учебных заведениях России. Еврейские училища и гимназии являлись постоянными посетителями МАЭ. Получение образования — один из насущнейших вопросов для евреев России в конце XIX в. Введение процентной нормы в школах, гимназиях и университетах стало толчком к организации национальных еврейских учебных заведений. Часто учебные заведения возникали при благотворительных обществах. Благотворительные организации и дома призрения включали посещение музеев в свой досуг. Занятие благотворительностью и создание благотворительных организаций среди евреев регламентировались священными книгами — Торой и Талмудом, а также законодательством Российской империи. Расцвет благотворительной деятельности в России — период со второй половины XIX в. до 1917 г. В это время создаются влиятельнейшие организации — Российское общество защиты женщин (и Комитет попечения о еврейских девушках при нем), Общество по распространению просвещения среди евреев и др. Представлены сведения о еврейских благотворительных организациях и еврейских учебных заведениях, посещавших МАЭ в начале XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МАЭ, просветительная работа, благотворительность, РОЗЖ, Комитет попечения о еврейских девушках, Общество распространения просвещения среди евреев, гимназия И. Эйзенбета, еврейские ремесленные училища, коммерческая школа Вайдемана

УДК [069.1+06.058(=411.16)](470.23-25)(94)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-181-190

ШЕРСТЕННИКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА — главный администратор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: KaterinaShers@mail.ru

Построение грамотного общения с посетителями в современном музее невозможно без обращения к истории просветительской работы. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее — МАЭ) имеет богатый опыт и успешно реализует просветительскую функцию на протяжении уже более века. Посетителями МАЭ в разные периоды становились различные организации, учебные заведения и частные лица. В статье речь пойдет о еврейских благотворительных организациях и учебных заведениях, посещавших музей в конце XIX — начале XX в. Именно этот период можно считать первым этапом развития в МАЭ просветительской деятельности.

Просветительская функция активно реализуется в российских музеях начиная со второй половины XIX в. В этот период складывается отношение к музею не только как научному институту или хранилищу артефактов, но и как к месту образования. Формирование подобного взгляда привело к развитию нового направления деятельности музея — организации работы с посетителями.

Еще в середине XIX в. в Императорской Академии наук развивалась дискуссия о месте и роли академических музеев. Специальная комиссия, в которую входили академики Ф. Ф. Брандт, К. М. Бэр, Г. П. Гельмерсен, Л. И. Шренк и Ф. И. Рупрехт, постановила сочетать научно-исследовательскую деятельность с просветительской функцией в работе музеев (Решетов 1997: 74).

Позиционирование музея как института образования было весьма распространено среди немецких музейных деятелей. Следует отметить, что возглавивший МАЭ в 1894 г. академик В. В. Радлов, а также его ближайшие сподвижники были непосредственно знакомы с системой функционирования немецких музеев и старались использовать и применять лучшие ее черты в Музее антропологии и этнографии. Стараниями В. В. Радлова и его команды к началу XX в. Музей антропологии и этнографии из научного учреждения, коллекции которого были закрыты для широкой публики и доступны обозрению лишь узкому кругу ученых, постепенно превращается еще и в просветительский центр. Долгое время развернуть работу с публикой мешала ограниченность экспозиционных площадей музея. Первая экспозиция МАЭ, открытая для публики в 1891 г., занимала всего лишь два зала на втором этаже Флигеля в Таможенном переулке. Осмотреть коллекции можно было самостоятельно (по билетам), необходимые пояснения к экспонатам излагались в Путеводителе. После проведения реэкспозиции в 1898 г. МАЭ стал принимать не только индивидуальных посетителей, но и группы экскурсантов. В этот период в музее начинает развиваться экскурсионная работа. В 1899 г. в МАЭ был заведен Экскурсионный журнал, в котором фиксировались группы, посещавшие музей как в сопровождении экскурсовода, так и самостоятельно (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36).

Посещение музея в группе было возможно по предварительной заявке. Администрация музея (директор или старший этнограф) рассматривали письмо и принимали решение, разрешить ли посещение в конкретный день или отказать по объективным причинам. В заявке, как правило, указывалось, сколько человек будет в группе, имя руководителя (сопровождающего) и требуется ли объяснитель (в начале XX в. экскурсоводов называли объяснителями). Руководителями группы считали тех, кто организовал и привел группу в музей. Объяснителем мог быть сотрудник МАЭ. В начале XX в. экскурсионной работой в музее занимались три человека — Л. Я. Штернберг, Б. Ф. Адлер и Е. Л. Петри (Штернберг 1928: 43). Изучение документов, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (далее — СПбФ АРАН), позволило установить, что из-за большого количества желающих музей далеко не всегда мог предоставить экскурсовода и тогда предлагал сопровождающему группы заранее ознакомиться с экспозицией при помощи путеводителя, чтобы при необходимости давать необходимые пояснения группе (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 63. Л. 420).

Директор МАЭ академик В. В. Радлов подчеркивал в одной из записок Императорской Академии наук, что в начале XX в. Музей антропологии и этнографии был единственным комплексным музеем, включавшим отделы антропологии, археологии и этнографии. Основной задачей

музея, помимо научной работы, являлась популяризация знаний. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в МАЭ можно было выделить три основных категории посетителей: ученые, учащиеся и любопытствующие. По замыслам В. В. Радлова, учащиеся и студенты должны были на экспозициях МАЭ получать дополнительные знания по истории и географии. Третьей категорией посетителей МАЭ В. В. Радлов называл массовую публику, которая посещала музей из любопытства, но тем не менее находила «поучительный и морально воспитательный материал в наглядных образцах развития культуры и жизни народов» (СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 43).

Ценным источником по изучению просветительной работы музея является Экскурсионный журнал Музея антропологии и этнографии начала XX в., первые два тома которого хранятся в СПбФ АРАН. В рамках статьи анализируется первый том, в котором фиксировались данные с 1899 по 1921 г. Второй том содержит сведения с мая 1925 по январь 1929 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 14). Данные журнала дают представление о динамике групповых посещений музея в начале XX в., позволяют установить, какие общественные организации и учебные заведения посещали музей в разные годы, проследить количество посетителей, выявить тенденции в сотрудничестве МАЭ с тем или иным учреждением. Записи в журнал делал сопровождающий группы (руководитель), обязательно указывая свою фамилию и звание, количество человек в группе, позднее — тематику экскурсии.

Среди посещавших Музей антропологии и этнографии в начале XX в. организаций можно выделить учебные заведения, воинские части, благотворительные и трудовые общества. Анализ журналов показывает, что на частоту посещений музея тем или иным типом организаций влияла политическая и социально-экономическая обстановка в стране. Так, в периоды Русско-японской войны и Первой мировой войны основную массу посетителей составляли раненые, находившиеся на излечении в Петербургских/Петроградских лазаретах. В преддверие Первой русской революции в Петербург стягивались военные части. Именно в это время среди списка посетителей чаще всего встречаются служащие того или иного полка.

Со второй половины XIX в. до 1917 г. в России наблюдался пик развития благотворительности. Согласно данным, в этот период в среднем на сто тысяч жителей России приходилось 6 благотворительных учреждений (Надеева 2014: 396). Толчком к развитию института благотворительности и общественного призрения исследователи называют реформы Александра II (Габдрахманова 2012). Изменения в структуре российского общества, в социальной и экономической сферах побуждают правительство издавать многочисленные нормативные акты и законы, регламентирующие социальную политику.

«Словарь Брокгауза и Ефрона», давая определение благотворительности, выделяет и ее «культурную форму» — общественное призрение (Брокгауз, Ефрон 1890–1907). Оно распространяется на тех, кто не делает из своей нужды показа. Субъектом общественного призрения является земская единица или община. Цель — обеспечение нуждающегося и борьба с нищетой. Мотивом общественного призрения является сознание гражданской солидарности между членами общины.

Среди благотворительных учреждений можно выделить два основных типа: открытые (т. е. оказание помощи без заключения людей в богоугодные заведения) и закрытые (развитие сети специализированных учреждений) (Надеева 2014: 396). Открытая благотворительность подразумевает раздачу денег, еды, одежды, закрытая — создание специальных условий, при которых человек не просто получает блага, но и возможность трудиться и развиваться. Благотворительные общества, дома призрения, приюты, богадельни и другие учреждения подобного типа, находящиеся под патронатом разных лиц, становятся постоянными посетителями музеев, библиотек и других культурных учреждений. Посещение музеев проходило, как правило, на безвозмездной основе. Обращает внимание тот факт, что до 1903 г. Музей антропологии и этнографии в принципе был бесплатным абсолютно для всех. Начиная с 1903 г. была введена плата за вход в МАЭ. Она составляла 25 коп. Подобная цена за вход была установлена и в другие музеи, подведомственные

Академии наук, например Зоологический (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-а (1903). Ед. хр. 150. Л. 231). При этом МАЭ был открыт бесплатно для всех желающих по воскресеньям, понедельникам и пятницам (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 53. Л. 43). Однако учащиеся школ, гимназий и иных учебных заведений, а также группы, принадлежавшие к каким-либо общественным или благотворительным организациям, могли посещать МАЭ на безвозмездной основе по специальному запросу и с разрешения администрации музея.

Изучение Экскурсионного журнала МАЭ позволило выявить широкий перечень общественных организаций и домов призрения, посещавших музей в начале XX в. Например, среди посетителей МАЭ были представители Российского общества защиты женщин и Общества распространения просвещения среди евреев в России. Последнее не стало единственной еврейской организацией, посещавшей экспозиции МАЭ с объяснителем.

В этот период в МАЭ имелись небольшие еврейские коллекции, которые поступили в музей в качестве дара. В 1896 г. в МАЭ по вольному найму стала работать Евгения Львовна Петри. Спустя три года, в 1899 г., ее отец, керченский купец Леон Абрамович Гринберг, передал в музей три коллекции. Среди предметов были принадлежности молитвенного одеяния, головной убор, футляр, календарь (Соболева 2013: 179). Коллекции в МАЭ передавали и младшие братья Е. Л. Петри — Самуил Львович (Сергей Львович Горский-Ченчи) и Моисей Львович. Однако эти коллекции не были представлены на экспозициях музея.

В Санкт-Петербурге евреи поселились буквально с момента его основания. Это были специалисты, в которых прежде всего нуждались армия и двор: врачи, финансисты и купцы. Таким образом, буквально с начала XVIII в. в Петербурге сформировалась небольшая еврейская община. При Екатерине II был изменен статус евреев: они были интегрированы в сословия российского государства. Согласно новым правилам, зажиточные евреи были приписаны к купечеству, остальные — к мещанам. Это защищало их от крепостной зависимости и даровало права сословий, к которым они приписывались (Матушанская 2016: 166). В 30-е годы XIX в. после принятия закона о повинности евреев в Петербурге появилась новая группа евреев — нижние армейские чины и их семьи. К началу XX в. в Санкт-Петербурге проживало уже около 40 тысяч евреев (Лернер 2007: 56). Отношение к ним со стороны российского правительства нельзя оценить однозначно, так как, с одной стороны, предпринимались меры по интеграции евреев в экономическую жизнь страны, а с другой — полные политические права предоставлялись только крещеным евреям.

В конце XIX в. в еврейских общинах России начинает выделяться группа состоятельных лиц, выступавших с инициативой организации разных благотворительных обществ. Одно из таких обществ — Общество ремесленного и земледельческого труда (далее — ОРТ) — было основано в Петербурге в 1880 г. Эта организация способствовала распространению и поощрению среди евреев России квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда. Среди основателей общества были С. Поляков, барон Г. Гинцбург, Л. Розенталь и Н. Бакст (Бейзер). Цель этих организаций — не просто наладить быт, но и оказать помощь в социализации. Посещение экспозиций музеев, в частности Музея антропологии и этнографии, способствовало выполнению этих задач и носило культурно-просветительский характер.

Первыми еврейскими посетителями, осмотревшими МАЭ с объяснителем, стали 26 учеников училища Общества распространения просвещения между евреями в России, которые побывали в музее 12 марта 1904 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 9 об.).

С 1904 г. до 1920-х годов мы можем выделить ряд еврейских заведений, посещавших МАЭ на регулярной основе:

- ремесленные училища Общества распространения просвещения между евреями в России (женское и мужское);
- вечерние классы Общества по распространению просвещения между евреями в России;
- Комитет попечительства о еврейских девушках Российского общества защиты женщин;

- еврейская гимназия И. Г. Эйзенбета;
- еврейская общинная школа на Петроградской стороне.

Об этих учебных заведениях и общественных организациях, об их целях, задачах ниже пойдет речь.

Общество для распространения просвещения среди евреев в России (далее — ОПЕ) стало крупнейшей культурно-просветительской организацией российских евреев. Идея организации центра для пропаганды и развития просвещения в еврейских массах, распространения русского языка и приобщения евреев к русской культуре возникла в кругу крупных финансистов и промышленников еврейского происхождения в начале 1860-х годов. Годом рождения ОПЕ в России можно считать 1863 г. Инициатором его создания стал банкир барон Евзель Гинцбург (Еврей Петербурга).

Отделения Общества по распространению просвещения существовали в разных российских регионах, но правление ОПЕ находилось в Петербурге. Целью общества было создание новой системы еврейского образования, сочетающей светские знания с традиционным еврейским образованием. Изначально общество финансировало издание новых учебников для еврейских школ, научные исследования в области иудаики как базу для этих учебников, а также оплачивало покупку книг и подписку на периодические издания библиотекам новых еврейских школ. В дальнейшем на средства общества была развернута система подготовки учителей для новых еврейских школ.

Необходимость овладеть русским языком и получить светское образование была для петербургских евреев настолько насущной, что это понимала даже самая консервативная и малообразованная часть общины. Первой была основана мужская школа (школа Л. Я. Бермана) ОПЕ, после чего петербургские евреи — отставные солдаты обратились к Евзелю Гинцбургу с прошением о содействии открытию такой же женской школы. По просьбе солдат в программу преподавания в школе были включены языки (русский и немецкий) и арифметика, так как без знания этих предметов в будущем подросткам еврейским девушкам было бы трудно найти работу и устроиться в жизни. В 1895 г. школы для еврейских детей были преобразованы в училище Общества распространения просвещения между евреями в России, состоящее из отделений для мальчиков и девочек, а также ремесленных классов (Электронная еврейская энциклопедия). Оба училища располагались на Офицерской улице в доме № 42. В январе 1902 г. в училищах получали навыки ремесла 221 мальчик и 208 девочек. Плата за обучение была установлена от 7 до 18 руб. в год, но с бедных родителей (а таких было большинство) ничего не брали. Мужское училище было девятиклассным, женское — восьмиклассным. Детям преподавали Танах, основы иудаизма (девочкам — сокращенный курс), иврит, русский язык, историю (еврейскую и русскую), арифметику, географию, природоведение, физику (только мальчикам), рисование, пение. Из ремесел мальчиков учили слесарному и столярному делу. Девочки получали профессии белошвейки и дамской портнихи. Их обучали также делать искусственные цветы (Ермолов 2009: 108).

Педагоги и воспитатели обоих училищ организовывали для воспитанников экскурсии за город и в музеи, а также на фабрики и заводы, устраивали чтение вслух, отмечали совместно праздники, привлекали учеников к пению в синагогальном хоре. В распоряжении учеников также находилась богатейшая библиотека училища. Летом болезненных воспитанников вывозили на дачу, где питание и медицинская помощь были бесплатными. Хорошо оборудованные мастерские давали возможность получить серьезную профессиональную подготовку. В подвале даже установили учебную паровую машину. Некоторые выпускники сами впоследствии становились преподавателями в столичных или провинциальных еврейских училищах.

В начале 1902 г. мужским училищем заведовал А. М. Конштам, женским — П. П. Антокольская. При этом А. М. Конштам лично сопровождал учеников на экскурсии в МАЭ, о чем свидетельствуют записи в Экскурсионных журналах (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 11 об.). Делами обоих училищ занималась попечительская комиссия, избиравшаяся на заседаниях комитета ОПЕ. Огромное значение имело то обстоятельство, что выпускники училищ,

успешно выдержавшие экзамены, могли жить вне черты оседлости. Воспитанники училищ ОПЕ посещали МАЭ на постоянной основе с 1904 до 1915 г., при этом в музей приводили учеников в большом количестве: наименьшая по численности группа состояла из 20 человек (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 13), максимальная по численности — 51 человек (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 21).

В начале XX в. многие российские гимназии начинают включать в программу обучения посещение экспозиций музеев. Пионерами в этой области выступили петербургские гимназия Таганцевой и училище в Лесном. Но, как показывает статистика Экскурсионных журналов МАЭ, еврейские училища Общества распространения просвещения среди евреев не отставали и включали пребывание в МАЭ своих воспитанников не только с целью организации досуга, но и с образовательной, поскольку сопровождающими были преподаватели. Все выявленные в Экскурсионном журнале случаи посещения музея учениками и ученицами училищ Общества распространения просвещения приходятся на пятницы — бесплатный для посещения день. Датой первого визита учеников этих училищ можно назвать 12 марта 1904 г. В записи в журнале зафиксирована группа в количестве 26 учеников во главе с руководителем училища.

Следует отметить, что в 1904 г. МАЭ уже пользовался большой популярностью и в открытые для публики дни его посещали от двух до пяти-шести групп. Однако 12 марта музей посетили всего лишь две группы: 25 учеников Придворной певческой капеллы и упомянутая выше группа учеников-евреев (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 9 об.). В том же 1904 г. воспитанники отделения для мальчиков ОПЕ посетили МАЭ еще несколько раз. Следующий визит состоялся 24 сентября, когда МАЭ посетили 25 обучающихся (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 11 об.). И наконец, 29 октября 1904 г. в музее побывали еще 20 воспитанников (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 11 об.).

Активное посещение Музея антропологии и этнографии учениками училища ОПЕ продолжилось в 1905 г. 28 января в музее побывали 20 его воспитанников (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 13). 18 февраля 1905 г. МАЭ посетила 41 воспитанница отделения для девочек училища ОПЕ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 13). Это был первый случай, когда музей посещали именно воспитанницы, до этого среди посетителей значились только воспитанники отделения для мальчиков. Посещение МАЭ учащимися данных учебных заведений продолжилось и в последующие годы. Как правило, в музей приходила одна-две группы воспитанников или воспитанниц в год в количестве приблизительно 20 человек. Исключение составляет группа, побывавшая в МАЭ 5 мая 1906 г., когда с экспозицией познакомился 51 ученик (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 21). Можно сделать вывод, что осмотр экспозиций Музея антропологии и этнографии признавался преподавателями географии и истории отделений для мальчиков и девочек училища ОПЕ необходимым дополнением для прохождения образовательной программы, что побуждало приводить в музей ежегодно все новые и новые группы учеников.

Еще одно еврейское учебное заведение, включившее посещение МАЭ в образовательную программу, — Петербургская еврейская гимназия, основанная в 1906 г. И. Г. Эйзенбетом.

До середины XIX в. у евреев в России существовали две модели образования. Первая модель преподавалась в хедерах, талмуд-школах и ешиботах и заключалась в изучении священных книг и законов (Ермолов 2009: 106). Еврейские школы возникали при синагогах. В таких учреждениях с раннего возраста преподавали иврит, Тору, Талмуд, Танах (Лернер 2007: 56).

Вторая модель предполагала получение светского еврейского образования, т.е. помимо традиционных дисциплин ученики в обязательном порядке изучали русский язык, математику, химию, физику, биологию, астрономию и др. Евреи, имевшие светское образование, получали определенные бонусы, в числе которых было право повсеместного жительства, освобождение от воинской повинности. Те, кто оканчивал начальные или средние школы, имели право на сокращение срока службы. Тем не менее все эти выгоды не привлекали в школы детей из малообеспеченных еврей-

ских семей. Этому имелись свои причины. Во-первых, школы были платными. Далеко не каждая семья могла изыскать средства на оплату обучения детей. Во-вторых, в школах ученики не находились под наблюдением воспитателей-евреев, что вызывало у родителей ряд опасений (Ермолов 2009: 108). Первая национальная еврейская школа была открыта в 1906 г. (Лернер 2007: 57).

Учредитель и директор первой частной еврейской гимназии в Петербурге кандидат филологических наук Илья Гиларович Эйзенбет своей основной целью видел не просто развитие светского образования, но и преподавание в новом учебном заведении основ еврейского воспитания. Хотя гимназия была мужской, в младшие классы принимали и девочек. И. Г. Эйзенбет сумел организовать преподавание на очень высоком уровне и пригласил лучших учителей. Еврейскую литературу преподавал известный еврейский педагог З. А. Киссельгоф, русскую литературу — специалист по Ф. М. Достоевскому А. С. Долинин, историю — будущий профессор ЛГУ С. Н. Валк, французский язык — дружившая с бельгийским поэтом и драматургом Морисом Метерлинком А. И. Пинскер, географию — путешественник М. М. Шницлер, иврит — один из организаторов еврейского светского образования М. М. Чернин (Бейзер). После Февральской революции 1917 г. И. Г. Эйзенбет отказался от руководства гимназией и 14 июня 1917 г. передал ее Обществу родителей учащихся. Гимназия внесла заметный вклад в образование еврейского юношества царской России.

Поскольку еще с конца XIX в. учебные заведения стали включать в свою программу посещение экспозиций и выставок различных музеев, гимназия Эйзенбета не осталась в стороне. Выявленные в Экскурсионных журналах записи позволили установить, что ученики гимназии посещали МАЭ по понедельникам, когда это можно было сделать без оплаты. Руководителем экскурсии, как правило, выступал классный наставник воспитанников. Однако в состав группы входил учитель географии М. М. Шницлер, о чем всегда указывалось в журнальной записи. Это может свидетельствовать о том, что именно М. М. Шницлер давал пояснения ученикам на экспозициях МАЭ, не прибегая к помощи объяснителей музея. Например, запись от 22 декабря 1914 г. сообщает, что в МАЭ побывали 36 учеников еврейской гимназии Эйзенбета «в сопровождении преподавателя географии М. М. Шницлер и классного наставника Г. Г. Киссельштадт» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 76). Экскурсанты из гимназии посещали МАЭ регулярно с 1907 г. Причем упоминание об этом учебном заведении встречается в Экскурсионном журнале МАЭ и после революционных событий 1917 г., когда поменялась система образования в России. Например, 10 апреля 1919 г. музей посетили 15 учащихся еврейской гимназии с преподавателем (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 122 об.). В скобках указано, что это были ученики бывшей гимназии Эйзенбета.

Первым еврейским учебным заведением на Васильевском острове стала частная еврейская гимназия и коммерческая школа Вайдемана, размещавшаяся на 9-й линии в доме № 44. Ученики этой гимназии также обнаружили среди посещавших МАЭ групп с 1905 по 1917 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36).

Таким образом, изучение Экскурсионного журнала Музея антропологии и этнографии позволило установить некоторые еврейские учебные заведения, которые, как и другие образовательные учреждения Российской империи, использовали посещение экспозиций музеев как один из источников обучения. Число экскурсий, количественный состав, определенная периодичность позволяют предположить, что посещение МАЭ было включено в образовательную программу упомянутых выше еврейских учебных заведений.

Российское общество защиты женщин (РОЗЖ), провозглашавшее своей основной целью борьбу с проституцией, в начале XX в. стало одним из постоянных посетителей МАЭ. Положение об обществе защиты женщин было утверждено 13 января 1900 г. министром внутренних дел Д. С. Сипягиным. На особенность специфики и значимость общества указывал первый параграф устава: «...содействие предохранению девушек и женщин от опасности быть вовлеченными в разврат и возвращению уже падших женщин к честной жизни» (Мартыненко 2008: 37). Членами

общества могли быть мужчины и женщины независимо от звания, сословия и вероисповедания. Помимо организации борьбы с проституцией в России, комитет общества в качестве русского национального комитета осуществлял посредничество между российским обществом и иностранцами. РОЗЖ имело более широкие права, чем другие подобные организации. Особый статус общества подчеркивает и его состав. Главой общества была принцесса Е. М. Ольденбургская. Председателем комитета — принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская. Среди членов общества значились депутат Государственной думы Ф. Ф. Анреп, и. о. товарища обер-прокурора первого департамента Правительствующего Сената В. В. Бауер, академик В. М. Бехтерев, чиновник судебного департамента Правительствующего Сената Я. И. Гурлянд, юрисконсульт Д. А. Дриль, ординатор больницы Св. Ольги А. П. Зельгейм, заведующий статистической частью главного тюремного управления Я. М. Гросман, делопроизводители Министерства иностранных дел Б. В. Андреев, В. В. Граве, Ф. Ю. Грюнман, директор правления Ленского золотопромышленного товарищества и акционерного общества «Платина», директор правления Персидского страхового и транспортного общества, член комитета съездов учреждений русского земельного кредита барон А. Г. Гинцбург, зубной врач Я. Г. Рабинович, учительница еврейского сиротского дома Д. Ф. Зисканд, председатель общества попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге М. А. Шайкевич (Мартыненко 2008: 37).

Организаторами общества был разработан перспективный план работы, предлагавший меры по предохранению девушек и женщин от вовлечения в разврат, а также мероприятия по возвращению падших женщин к честному труду путем морально-нравственного воздействия. План работы общества предполагал развитие культурно-просветительской работы среди девушек и женщин. Члены РОЗЖ, как было замечено выше, были частыми посетителями экспозиций и экскурсий в музее. Руководители общества, по всей видимости, осознавали высокий образовательный и воспитательный потенциал экспозиций МАЭ. Так, одна из его руководительниц принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, известная меценатка и благотворительница, организовывала посещения музея подопечными и других обществ призрения, а также разрешила своим падчерицам сестрам Ольге и Марии Саксен-Альтенбургским осмотреть МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 1 об.).

С появлением у РОЗЖ новых задач стали создаваться отделы с собственным функционалом. Отдел попечения о еврейских девушках был образован в 1905 г. В разное время его возглавляли Д. Ф. Зисканд и А. Г. Гинцбург. Вице-президентом была баронесса Р. С. Гинцбург, секретарем — А. И. Браудо, казначеем — Б. Б. Гинзбург. Отдел оказывал денежную, трудовую и медицинскую помощь девушкам-еврейкам, которые не владели русским языком и вследствие религиозной принадлежности не могли проживать в общежитиях РОЗЖ. Таким образом, работа отдела попечения о еврейских девушках была направлена на их социализацию, получение основ образования. Для девушек-евреек было организовано два общежития, в которых могли проживать от 28 до 62 девушек (Мартыненко 2008: 40). Одна из задач отдела попечения — культурная адаптация девушек: им читали произведения классической литературы, организовывали игры и беседы, приглашали музыкантов. Девушек обучали немецкому, русскому, еврейскому языкам, арифметике, они занимались рукоделием, чтением, хоровым пением и гимнастикой, существовало литературно-музыкальное отделение и танцы. При общежитиях работала библиотека и читальня с фондом в 1673 книги. Под руководством членов отдела проводились экскурсии в музеи и совершались прогулки за город. Анализ статистических данных говорит о постоянном росте популярности отдела: если в 1904 г. было 519 посетительниц, то в течение 1912 г. уже более трех с половиной тысяч. Музей антропологии и этнографии впервые сотрудничал с отделом попечения о еврейских девушках 1 мая 1904 г., т.е. буквально после основания комитета. Посетило музей тогда 43 девушки в сопровождении С. А. Штернберг (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 11). Как правило, при посещении МАЭ именно она принимала девушек из РОЗЖ.

Сарра Аркадьевна Ратнер-Штернберг родилась в Могилеве в еврейской купеческой семье,

обучалась на физико-математическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге. В 1895 г. С. А. Ратнер стала заведующей еврейским четырехклассным училищем в Москве. После вступления в брак с Львом Яковлевичем Штернбергом в июне 1900 г. Сарра Аркадьевна переезжает в Петербург и начинает заниматься переводами этнографических трудов с немецкого, французского и английского языков. В начале 1900-х годов она состояла членом культурно-просветительской комиссии при Обществе распространения просвещения между евреями — работала на вечерних курсах для взрослых работниц (<http://collection.kunstkamera.ru/>). Следует добавить, что ученики именно вечерних курсов при Обществе распространения просвещения между евреями также не раз становились посетителями МАЭ. Однако ни разу не встретились фамилия Штернберг в качестве руководителя группы. Последнее упоминание в журнале о посещении музея учениками вечерних классов датируется 1915 г.: в МАЭ побывало 30 человек.

Первое посещение МАЭ членами Комитета попечения о еврейских девушках Российского общества защиты женщин датируется 1 мая 1904 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 11). Музей осматривали 43 девушки-еврейки. Причем это была единственная группа в МАЭ 1 мая. В следующем году 2 апреля С. А. Штернберг вновь сопровождала 38 девушек общества РОЗЖ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Ед. хр. 36. Л. 14 об.). Фамилия Ратнер-Штернберг как руководителя, сопровождавшего экскурсионные группы Комитета попечения о еврейских девушках, перестает встречаться в Экскурсионном журнале после 1910 г., т. е. тогда, когда Сарра Аркадьевна начинает работать в МАЭ сначала как помощница Л. Я. Штернберга, а затем как руководитель отдела Северной Америки.

Все посещения МАЭ членами отдела попечения о еврейских девушках РОЗЖ имели место по субботам. Такое было возможно только с особого разрешения руководства музея. Поскольку на попечении в комитете одновременно находилось большое число девушек, то и наполняемость групп, приходивших в МАЭ, была весьма солидной и колебалась от тридцати до пятидесяти человек.

Итак, в начале XX в. в Музее антропологии и этнографии начинает развиваться просветительская деятельность. Посетителями МАЭ становятся и учащиеся, и воспитанники разных типов учреждений. Еврейские благотворительные организации и учебные заведения регулярно заказывали экскурсии в сопровождении объяснителей. Анализ записей в Экскурсионном журнале МАЭ 1899–1921 гг. позволяет выявить основные организации и учебные заведения, в том числе еврейские, посещавшие МАЭ в начале XX в., установить периодичность посещения музея экскурсантами из этих учреждений, а также прояснить имена сопровождающих и руководителей групп. Таким образом академический музей вносил важный вклад в просвещение и воспитание молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейзер М. Евреи в Петербурге // Исток. Еврейская интернет-библиотека. URL: <http://www.istok.ru/library/203-evrei-v-peterburge.html> (дата обращения: 09.09.2019).

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907 // Словари онлайн. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.12.2019).

Габдрахманова Р. А. Развитие благотворительности в России // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2012. № 2 (13). С. 99–108.

Евреи Петербурга. Три века истории // WEB-версия компьютерного альбома «Евреи Петербурга. Три века истории». URL: <http://www.jewhistory.ort.spb.ru/rus/main/s.php?id=444> (дата обращения: 12.09.2019).

Ермолов В. А. Особенности системы образования в национальных школах российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 4. С. 100–109.

Лернер И. Б. Развитие еврейского образования в России середины XIX — начала XXI в. // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 15. С. 55–60.

Матушанская Ю. Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской империи // Вестник

Казанского государственного энергетического университета. 2016. № 2 (30). С. 164–175.

Мартыненко Н. К. Цели, задачи и структура российского общества защиты женщин в начале XX в. // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 4 (60). С. 35–44.

Надеева М. И. Исторический опыт социальной деятельности в России // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 8 (17). С. 394–398.

Решетов А. М. Леопольд Иванович Шренк (к 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6–7. 1997. С. 72–87.

Соболева Е. С. Братья М. Л. и С. Л. Гринберги как создатели Кунсткамеры // Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 179–185.

Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 7. Л., 1928. С. 31–71.

Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russi> (дата обращения: 15.09.2019).

Сайт Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/PERSON/3509469?query=%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8&index=1> (дата обращения: 15.09.2019).

JEWISH CHARITY AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS AS VISITORS TO THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (ACCORDING TO THE MUSEUM'S EXCURSIONS REGISTER 1899–1921)

ABSTRACT. The MAE Excursions Register 1899–1921 is a key source for the history of educational work in the museum. The two volumes of the register are housed in the SPbF ARAS. The analysis of this document allows identifying the institutions which requested guided tours to the MAE exhibitions at the time. Visiting museums was an important part of educational programs in Russian educational institutions in the early twentieth century, and Jewish schools and gymnasiums were among the frequent visitors of the MAE. Education was one of the most important issues for Jews in Russia in the late nineteenth century. The introduction of a Jewish quota in schools, gymnasiums and universities led to the creation of ethnic specific Jewish educational institutions, which were often created by charity. Charities and rest homes included visits to museums into their leisure activities. Charity and creation of charity institutions were regulated by the Jewish holy books, the Torah and Talmud, as well as by the laws of the Russian Empire. The heyday of charity in Russia started in the second half of the nineteenth century and continued until 1917. The most significant organizations founded at that time were the Russian Society for the Protection of Women (and the Committee for the Care of Jewish Girls), the Society for the Promotion of Education among Jews, etc. The article discusses some Jewish charity organizations and educational institutions that visited the MAE in the early twentieth century.

KEY WORDS: MAE, educational work, charity, Russian Society for the Protection of Women, Committee for the Care of Jewish Girls, Society for the Promotion of Education among Jews, I. Eisenbet's Grammar School, Jewish Vocational Schools, Weideman Commercial School

EKATERINA S. SHERSTENNIKOVA— Chief Administrator, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: KaterinaShers@mail.ru